

Константин Аксаков

О Карамзине

Константин Сергеевич Аксаков О Карамзине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2669685

Аннотация

«Если б я хотел говорить вам речь, как обыкновенно говорят у нас речи, я бы сказал, что „благородное Симбирское дворянство воздвигнуло здесь недавно знаменитый памятник одному из величайших народных русских писателей, что этим подвигом доказало оно свою ревность ко благу и пользе отечества“...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Константин Сергеевич Аксаков О Карамзине

*Речь, написанная для произнесения
пред симбирским дворянством*

Если б я хотел говорить вам речь, как обыкновенно говорят у нас речи, я бы сказал, что «благородное Симбирское дворянство воздвигнуло здесь недавно знаменитый памятник одному из величайших народных русских писателей, что этим подвигом доказало оно свою ревность ко благу и пользе отечества». – Но я не скажу вам ничего этого. – Имея право общественного слова, я не стану вновь обманывать вас и себя заранее принятыми условными фразами, становить дело на ходули, окружать его натянутым риторическим светом, чем, увы, и так долго мы довольствовались. – Неужели не надоели нам эти фразы? Пора наконец оставить нам ходули. Приходит наконец пора посмотреть делу прямо и строго в лицо, не убаюкивая себя принятыми выражениями, приходит пора возвратить слову всю его правду и откинуть великолепную и всегда вредную ложь. Что нужды, если многие громкие, бесполезные фразы от этого навсегда умолкнут? Тем лучше

еще. — Вследствие ли ленивого невнимания, вследствие ли чуждого направления они повторялись слишком долго и постоянно мешали свежему и бодрому взгляду. — Так или иначе, но я здесь с тем, чтобы сказать вам прямо мою мысль. — Я не скажу вам, что Карамзин был народный русский писатель — он не был им; он, как и все наше общество с Петра, далеко стоит от народа, и народ не знает его. Его торжество не есть торжество народное. Карамзин, со всеми его великими заслугами, — писатель и деятель публики, а не народа. Я не скажу вам — как это было сказано в одной речи, — что даже и крестьяне приносили добровольные пожертвования на поставленный здесь памятник Карамзину. Мы слышим часто про такие добровольные пожертвования и знаем их. Но если и были они, то и мне, и вам хорошо известно, что сознательным пожертвованием это быть не могло, что крестьянин не знает Карамзина, что Карамзин не перешел в народное ведение, а сведение о нем, как и о других писателях, и то являющееся исключением, ничего не доказывает. А мы непременно тянем к себе и к своим торжествам, для эффекту, народ и навязываем ему писателей, о которых он не знает. Несмотря на Гений и великие достоинства, Карамзин не может иметь чести, выше всех честей, чести принадлежать народу в настоящем смысле, не может назваться писателем народным. — Я не обращаюсь к вам как к «Симбирскому благородному дворянству»; я обращаюсь к вам просто как к русским людям или хотящим быть русскими людьми — ибо кто из нас возь-

мет смелость назвать себя русским человеком? – Почтим это право пока за одним простым народом, за крестьянином. – Я обращусь к вам как к братьям, у которых у всех одна забота и одна задача жизни, у которых у всех цель и любовь нашей жизни – наша Русь.

Но в чем же значение и достоинство Карамзина и всей нашей литературы, какой же смысл ее при оторванности от народа? – Об этом-то и будет наша речь.

Знаменитое, каждым из нас чувствуемое явление и дело Петра в нашей истории поставило всю землю в особые отношения; Петр явился с блеском нововведений, с блеском полной эгоистической свободы жизни для частного человека, вообще с блеском Западного европеизма. Вы знаете, что его преобразование не было мирное учение новой мысли. С топором в руках увещевал он своих подданных следовать за ним. – Боюсь вдаваться в искусительные изыскания, которые заведут далеко и отвлекут нас от предмета, в исследования о мере правды и лжи Петровского переворота; но я думаю, что со мною согласятся по крайней мере в том, что в перевороте Петра если была истина, то была и неправда, и ложь. Эта ложь состояла в страшной односторонности, в излишнем развитии государственности и вместе с тем в полном неуважении к Русской земле, в воззрении на нее как на материал для своих планов, в подражательности и, конечно, в насилии. Петр Русской земли не понимал; он понимал только русские способности. На народ смотрел он как на безгласную массу

и всю Россию хотел обратить в тесто, из которого мог бы вылепить немецкие фигуры. – Всю Россию хотел он обратить в машину, в государство, не признавая – от начала до него и доселе существующей – Русской земли. – Дело его удалось, но не совсем и, смеем думать, не навсегда. Вся эгоистическая сторона России, все люди служилые, холопы государевы ¹

---

¹ Россия, не разделяясь на неподвижные сословия, разделялась на два разряда: на людей служилых, государевых, и людей земских. К первым принадлежали все бояре, дворяне, вообще все чиновники от казны, другими словами, все, что было от государства. Ко вторым – весь народ, все крестьяне, купцы и чиновники, выборные от народа. Только люди служилые назывались холопами (крестьяне и под.) – никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.